

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК» И «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

В статье ставится задача сопоставления повестей Н.С. Лескова «Очарованный странник» и «Бэла» М.Ю. Лермонтова. Цель сопоставительной характеристики произведений классиков в том, чтобы определить устойчивые для русской литературы XIX века сюжетные и стилевые тенденции, проявляющие себя у писателей разных эпох и выявить их типологическую общность.

Творчество Лескова сильно связано с предшествующей литературной традицией. На это указывали многие исследователи. Д.С. Лихачев писал, что в творчестве Лескова «прослеживаются многообразные отношения с самыми различными историческими пластами русской словесности»¹. Серьезное место отводится традициям древнерусской литературы², а также русскому романтизму³, в частности, преемственности многих тем, образов, существующих между произведениями Лескова и Лермонтова. Исследованы переклички между романами «Некуда», «Обойденные» и поэзией, а также романом «Герой нашего времени» Лермонтова⁴.

Еще в раннем возрасте Лесков проникся возвышенно-тревожными мотивами лермонтовской поэзии. Высоко ценя талант своего предшественника, Лесков-писатель находил в его творчестве отклик своим переживаниям и импульс для развития тем и мотивов в ряде своих произведений. Он отмечал, что в характере Лермонтова воплотилась мужественная бестрепетность в отношении к жизни. В письме к сыну, призывая его к сосредоточенному взгляду на мир, советовал «укреплять дух размышлениями»: Лермонтов в 19 лет был полон «томящих, но единственно живых вопросов». Бесстрашие, свойственное Лермонтову, писатель находил лишь у Л.Н. Толстого, который, смело ища ответы на «проклятые вопросы» жизни, возвысился до духовного прозрения. Слова Толстого о смерти («у нее кроткие глаза») вызывали в памяти строки стихотворения, приписываемые Лермонтову: смерть приходила «неслышимо, незримо» и говорила с «тоской невыразимой»: «Пора!»⁵. Но Лесков временами негативно отзывался о поэте, находил в его характере «много противного и гадкого», полагал, что

¹См.: Лихачев Д.С. Особенности поэтики произведений Н.С. Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 12.

²Прокофьев Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература, с. 118-136.

³Троицкий В.Ю. Творчество Лескова и русский романтизм // Лесков и русская литература, с. 149-165.

⁴Мехтиев В.Г. Роман Н.С. Лескова «Некуда» и проблемы духовности и нигилизма в русской прозе начала 1860-х годов. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., МПУ, 1996. С. 5-7.

⁵Лесков Андрей. Жизнь Николая Лескова. В. 2-х т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1. С. 336, 337.

противоречия личности великого предшественника были следствием «пороков своего века»¹. Лесков часто задумывался над природой лермонтовской гордыни, иногда с недоумением смотрел на решительное неприятие его героями русской действительности.

Известно, что мотивы ненасытного самолюбия, индивидуализма и гордыни наиболее типично отразились в образе Печорина. Лесков, проявляя внимание к личности этого героя, новаторски изобразил некоторые стороны его внешнего облика и внутреннего мира, получившие новый смысл и значение в условиях кризисных 60-70-х годов XIX в. В основе одной из наиболее значительных повестей писателя «Очарованный странник» лежит концепция национального характера, одухотворенного любовью и жертвенностью, пафосом служения Родине. Определяя своего героя как именно героя-праведника, Лесков резко противопоставлял его героям-индивидуалистам, «героическим натурам» литературы эпохи². В этой связи интересно рассмотреть в типологическом аспекте персонажи «Очарованного странника» и «Героя нашего времени».

Общие для писателей установки в изображении героев, художественно-стилевых принципах, думается, не случайны. Прежде всего, отмечаются сюжетные переключки между повестью Лескова и «Бэлой» Лермонтова. Можно провести параллель по следующей схеме: Груша – князь – Иван Северьяныч и Бэла – Печорин – Максим Максимыч. Знакомая по роману Лермонтова сюжетная канва у Лескова, однако, подчиняется новой задаче; Лесков разрабатывает знакомую сюжетную ситуацию на новой идейной основе.

В трудные 60-70-е годы XIX в. у некоторой части молодежи, преимущественно радикально настроенной, наблюдалось пренебрежение нравственными нормами, историей народа и национальными традициями. Отрицание в крайних его формах в художественной интерпретации Лескова приобретало форму «бесовства», «чертовщины»³. Размышляя над социальной и нравственной атмосферой пореформенной эпохи, Лесков (как и Достоевский) склонялся к иному взгляду на тип «лишнего человека», в частности, на Печорина. Самолюбивый герой, «страдающий эгоист» воспринимался им как старомодный, в пародийном ключе. Образ князя в «Очарованном страннике» вбирает наиболее несимпатичные черты Печорина. Создавая пародийный образ, писатель соединяет описание со своими представлениями о народе, национальном характере, традиции. В пародийном преломлении демонический героя терял обаяние. Князь отражает Печорина как в кривом зеркале, предстает глубоко деградировавшим. Перед читателем возникает образ человека, главным козырем которого в обращении с женщинами является иронически осмысленная в повести

¹Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 254-255.

²Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983. С. 196-233.

³См.: Селезнев Ю. Лесков и Достоевский // В мире Лескова, с. 123-148; Мехтиев В.Г. Роман Н.С. Лескова «Некуда» и проблемы духовности и нигилизма в русской прозе начала 1860-х годов, с. 13-17.

артистичность. Его отношение к Груше, попытки добиться ее расположения спровоцированы взятой на себя ролью романтического влюбленного. Индивидуализм, пессимизм Печорина в образе князя приобретают отталкивающие черты цинизма, бездушия.

Лесков строит сюжет «Очарованного странника» так, чтобы читатель явно ощущал полярность образов и ситуаций: князь – Иван Флягин, князь – Груша. Некоторые черты праведника Ивана Флягина вызывают к сравнению с образом Максима Максимыча. В повести Лескова, как и в «Бэле», европейский тип сознания (в случае с князем – в искаженном виде) предстает перед «судом» национально-самобытного сознания.

Черты характера героя-праведника, образ которого создал Лесков, в значительной степени были предвосхищены образом Максима Максимыча. Правда, индивидуалистические, «демонические» страсти, овладевшие Лермонтовым, на наш взгляд, помешали ему широко разработать в зачаточном виде претворенные в Максиме Максимыче мощь и духовную красоту национального самосознания. Зато Лесков щедро одарил своего героя всеми возможными идеальными чертами национального характера. Рассказчик в повести «Бэла» делает замечание по поводу «способности русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить», имея в виду Максима Максимыча. Этот мотив в рассматриваемых произведениях находит отражение в сходном изображении особого «строя» души и ума, сочетающего любознательность к «чужому» с преданностью к «своему». Максим Максимыч чутко улавливает внутренние пружины поведения горцев, но своего – Печорина – понять не может. Иван Северьяныч, в свою очередь, по чужестранному обычаю ради приобретения лошади решается на жестокий поединок и невольно забивает своего противника до смерти (правила степняков предусматривали и такой исход, поэтому наказанию «виновник» не подвергался), но на родной стороне оказывается «преступником», заслужившим наказание.

Максим Максимыч у Лермонтова и Иван Северьяныч у Лескова – находятся на периферии общественных столкновений века. Если внутренний мир Печорина обусловлен объективными противоречиями его эпохи («герой времени»), а ложноморальные установки князя являются следствием распада его социальной личности, то внутренний мир Максима Максимыча и Ивана Северьяныча отправляют нас к устойчивым вековым традициям народа.

Линия в «Очарованном страннике», воспроизводящая «очарование» героя красотой «природы совершенства» – Грушей, сюжетно и стилистически является проекцией на соответствующий эпизод в повести «Бэла». Бела, находясь под очарованием «цивилизации», европеизма, отдает свои симпатии Печорину и становится его жертвой; Груша соблазняется «утонченными» манерами, страстью князя, но тоже падает его жертвой – насытившись, князь бросает ее.

Необыкновенная женская красота наполняет – и в «Бэле», и в «Очарованном страннике» – души героев схожими переживаниями. Средства изобразительности у Лескова свидетельствуют здесь о предельном внимании писателя к тексту Лермонтова. Сравним, например, слова Ивана Северьяныча: «Даже нельзя ее [Грушу] описать как женщину, а точно будто какая яркая змея на хвосте движется и всем станом гнется, а из черных глаз так и жжет огонь»¹. А вот как рассказывает Максим Максимыч: «И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывают к вам в душу»². Героев Лескова и Лермонтова объединяет сострадание к чужой боли и желание помочь в беде. Когда чувства Печорина к Бэле остыли, Максим Максимыч пытался облегчить ее участь и сам признается, что «бегал за нею, точно какая-нибудь нянька». Ради нее он имеет объяснение с Печориным, ему «досадно, что он переменялся к этой бедной девочке; герой мучительно переживает смерть дикарки, к которой испытывал отцовскую нежность. Он носит в себе глубокую грусть, ведь его чувства остались незамеченными: «Меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне»³.

Лесков крупным планом изображает испытания своего героя любовью, женской красотой. При встрече с Грушей красота открывается Ивану Флягину не как источник наслаждения, но прежде всего как объект служения, к которому обращены из глубины души идущие добрые порывы. Каждое «очарование» Ивана Северьяныча показывается писателем как ступень духовного его возвышения. Несколько иное в повести «Бэла». Лермонтов, хотя и сочувствует носителю самобытного национального сознания, все же субъективно на стороне Печорина. Лесков же как бы возвращается к романтической традиции, наделяет свой персонаж «идеей». Его герой «имеет свой идеал, свои освященные народными традициями нравственные принципы»⁴.

У Ивана Северьяныча предельно ответственное отношение к жизни, тогда как в «Бэле» есть эпизоды, в которых Максим Максимыч показан пассивным; ему словно не хватает решительности для противостояния злу. Персонажу Лескова доступно понимание «демонического» смысла поступка князя. Иван Северьяныч трезво и верно оценивает его отношение к Груше, понимая, что любовь князя поверхностна: «Эх, нехорошо это, что ты так утверждаешь, что на одно на ее лицо будешь смотреть! Наскучит». Увлеченность, «романтическая страсть» князя к Груше, как и авантюра Печорина с Бэлой рядом с естественной человечностью Максима Максимыча, резко оттеняется глубокими переживаниями Ивана Северьяныча: «Как вспомню, что она здесь, сейчас чувствую, что у меня даже в боках жарко становится». На фоне поведения князя поступки и чувства Ивана

¹ Лесков Н.С. Собр. соч. В X1 т. Т. IV. М.: Гослитиздат, 1957. С. 469.

² Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 2-х т. М.: Правда, 1990. С. 463.

³ Там же, с. 481, 482.

⁴ Прокофьев Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература, с. 120.

Флягина дают возможность отличить свое народное от, как казалось Лескову, крепко привитого чужеземного. В отличие от Лермонтова, сочувствующего народному типу, но по принципиальным для него соображениям разделяющего взгляды на мир и общество демонического героя, Лесков стоит на почвеннических позициях и скептически оценивает внутренние силы человека, «испорченного» европейской цивилизацией. Кажется, в этом и заключается пародийный смысл образа князя.

Анализ «Очарованного странника» в предложенном аспекте подтверждает факт идейно-тематической, сюжетно-стилистической связи этого произведения с «Героем нашего времени». Герой-праведник Лескова является художественным развитием многих черт Максима Максимыча, открывающих дальнейший путь к постижению русского национального характера. Писатель сумел в герое Лермонтова угадать залог творческих возможностей русского человека, его бескорыстное служение Отечеству, высокое сопереживание прекрасному, чуткость к чужому страданию и глубоко развил эти черты в образе своего героя-праведника. Противопоставление двух типов характера: национального и европейского, противопоставление природной красоты души первого и противоречий личности другого, доведенных до пародийности в образе князя, во многом определило интерес Лескова к роману Лермонтова, более того – определило некоторые аспекты функционирования «Героя нашего времени» во второй половине XIX века.

Список использованных источников

- Лермонтов М.Ю. Сочинения. В 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 455-590.
- Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 254-255.
- Лесков А. Жизнь Николая Лескова. В. 2-х т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1. 476 с.
- Лесков Н.С. Собр. сочинений. В XI т. Т. IV. М.: Гослитиздат, 1957. С. 385-514.
- Лихачев Д.С. Особенности поэтики произведений Н.С. Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 12-21.
- Мехтиев В.Г. Роман Н.С. Лескова «Некуда» и проблемы духовности и нигилизма в русской прозе начала 1860-х годов. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., МПУ, 1996. 21с.
- Прокофьев Н.И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 118-136.
- Селезнев Ю. Лесков и Достоевский // М.: Сов. писатель, 1983. С. 123-148.
- Троицкий В.Ю. Творчество Лескова и русский романтизм // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 149-165.
- Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983. С. 196-233.